

В. С. КОРЯКИН

Пир ПРОТИВ Кука

*Полярный детектив
длиною в столетие*

Paulsen
Москва 2018

УДК 910.4

ББК 84

К709

Корякин В. С. Пири против Кука. Полярный детектив длиной в столетие. – М.: Паулсен, 2018. – 248 с.: илл. 37, карта.

В книге использованы фотографии из собрания Библиотеки Конгресса США, Ф. Кука, Р. Пири.

ISBN 978-5-98797-205-2

Кто был первым на Северном полюсе? Пири или Кук? Сегодня ученые практически доказали, что ни один из них так и не дошел до заветной цели.

Однако всё было не так очевидно чуть более 100 лет назад. Роберт Пири присвоил себе победу. Насколько правомерно? Как ему это удалось? Почему сегодня мы убеждены в том, что его приоритет в достижении макушки Земли был не более чем фикцией?

Много вопросов, на которые автор книги, доктор географических наук Владислав Сергеевич Корякин, предлагает свои ответы.

ISBN 978-5-98797-205-2

© В. С. Корякин
© Издательство «Паулсен», 2018

Содержание

<i>От автора</i>	5
ГЛАВА 1	
Два полярника	9
ГЛАВА 2	
1886. Первые шаги Пири на пути к цели.....	17
ГЛАВА 3	
1891–1895. Встреча героев и последующие приключения Пири	23
ГЛАВА 4	
1897–1899. Кук спасает первую антарктическую зимовку.....	45
ГЛАВА 5	
Предшественники Кука и Пири на американском пути к полюсу.....	62
ГЛАВА 6	
1898–1902. Пири на дальних подступах к цели	67
ГЛАВА 7	
Кук в горах Аляски.....	81
ГЛАВА 8	
1905–1906. Самое загадочное путешествие Пири	90
ГЛАВА 9	
1907–1908. Кук выходит на исходный рубеж.....	107
ГЛАВА 10	
1908. Кук на полюсе.....	122
ГЛАВА 11	
1908–1909. Возвращение наперегонки со смертью.....	141
ГЛАВА 12	
1909. Пири на полюсе. Кто не успел, тот опоздал.....	162
ГЛАВА 13	
Когда история становится детективом.....	188
ГЛАВА 14	
Льды и судьбы	214
ГЛАВА 15	
Вердикт времени – а Кук-то был прав!.....	231
<i>Источники</i>	247

Два полярника

*Мы старины картины воскресим
В живых героях. Вот они пред нами
В день славы, окруженные друзьями!
Но дальше, посмотрите, в миг один
Герои в бездну рушатся с вершин.*

*В. Шекспир. Король Генрих VIII**

Фредерик Альберт Кук родился 10 июня 1865 года в деревушке Хортонвилль графства Салливен, в самой глубинке штата Нью-Йорк, у подножия лесистых гор Кэтскилл – там, где они переходят в Аппалачское плато, на левобережье реки Делавар. Его отец Теодор А. Кох был немецким эмигрантом с врачебным дипломом, перебравшимся за океан после революции 1848 года из Ганновера. Когда спустя полтора десятка лет в Соединенных Штатах разразилась гражданская война, он вступил в Федеральную армию – и все четыре военных года работы ему хватало.

Мать будущего полярного исследователя, урожденная Маргарет Ланге, оказалась на американской земле вместе со своими родителями, покинувшими Франкфурт-на-Майне и первоначально осевшими в Нью-Йорке, где ее отец занялся сигарным бизнесом. На западе штата Нью-Йорк семейство Ланге оказалось, видимо, не от хорошей жизни.

Здесь-то и повстречал недавний военный врач молодую немку, чтобы вместе с ней осесть в деревушке Джефферсонвилль. На карте она находится милях в 40 к западу от среднего течения реки Гудзон. Даже в наши дни карта свидетельствует, что вся деловая жизнь обходит эту глубинку стороной: здесь меньше дорог, не встречаются крупные города, да и вообще мало жителей.

Вскоре после свадьбы молодые сменили немецкую фамилию Кох на американскую Кук, а в 1870 году Теодор Кук ушел из жизни, оставив вдову с четырьмя детьми. Еще один ребенок в семействе Кук умер при жизни отца. После смерти главы семейства во владении семьи осталась небольшая ферма с 15 гектарами пахотной земли. Герой этой книги

* Пер. Б. Томашевского.

Фредерик Кук был четвертым ребенком, моложе его была только сестра Лилиан.

Спустя восемь лет после смерти мужа Маргарет Кук пришлось перебраться в Порт-Джервис, ниже по Делавэру, где легче было устроиться на работу подрастающей молодежи, а еще через год и в сам Нью-Йорк. В изданиях рубежа XIX и XX веков особо подчеркивалось, что Нью-Йорк «обязан своим господством в культурной и экономической жизни Америки самым очевидным образом своему чрезвычайно благоприятному положению, облегчившему сношения как с внеамериканскими землями, так и с обширной территорией, раскидывающейся за ним. ...Нью-Йорк к тому же располагал в своей широкой, глубокой и хорошо защищенной с моря бухте лучшей естественной гаванью на всем востоке Соединенных Штатов» (Декерт, с. 229*).

Открытость морских путей из Нью-Йорка во все концы света, включая полярные моря обоих полушарий, здесь отмечена не случайно – не даром с этим городом связаны имена таких полярных исследователей, как Джордж Де Лонг и Роберт Пири, служивших на здешней военноморской базе. Отсюда уходили в ледяные просторы экспедиции Элиша Кэна, Чарльза Холла, Адольфа Грили и многих других известных мореплавателей.

Перебравшись в Большой Нью-Йорк, семейство Кук обосновалось в самом его сердце – в Бруклине, который был тогда «только исполинским гаваньским, фабричным и обывательским кварталом Нью-Йорка» с населением, превышавшим миллион человек.

Первое время Маргарет Кук зарабатывала на жизнь в качестве швеи, а ее дети – любой работой, за которую платили. Фред одно время подвизался на стекольной фабрике, позже был разнорабочим в местной администрации по освещению улиц. Молодой парень уже тогда демонстрировал неординарный ум. Зимой 1888 года на Нью-Йорк обрушилась самая настоящая пурга, парализовавшая городской транспорт. Фред взялся за доставку угля, в котором отчаянно нуждались горожане. Он загружал лодку, а затем бечевой с помощью лошади тащил ее вдоль берега, обеспечивая углем стосковавшихся по теплу бруклинцев, которые щедро расплачивались с ним за работу. Одно время Фред торговал овощами и зеленью на Фултоновском рынке. Потом три брата – Уилл, Теодор и сам Фред – основали предприятие с громким названием «Молочная компания братьев Кук». В итоге заработанных денег Фреду хватало, чтобы оплатить учебу в 1885–1886 годах во Врачебно-хирургическом

* Здесь и далее источники даются в сокращенном варианте, полное наименование см. в списке источников на с. 247.

Фредерик Кук

колледже, куда он поступил по окончании вечерней школы. В ту пору он намеревался пойти по стопам отца, благо в Соединенных Штатах профессия врача не только уважаемая, но и хорошо оплачиваемая.

Позднее Фредерик Кук продолжил образование в Медицинском колледже Колумбийского университета. Жизнь в студенческие годы не баловала его – с часа ночи и до семи утра молодой человек развозил молоко своей клиентуре, а к девяти спешил на занятия в колледже, заканчивавшиеся в 16 часов. Все, что оставалось от суток, уходило на дорогу и сон. И так – до 1890 года, когда он получил заветный диплом. В полном смысле Кук стал *selfmade man* – человеком, который сделал себя сам. В это время он женился на Либби Форбс, которая умерла при родах вместе с младенцем.

Кук вскоре обзавелся собственной практикой в ставшем родным Бруклине. Примерно в те же годы он заразился пресловутым «арктическим микробом», когда на глаза ему попался затертый томик под названием «Путешествия и открытия второй Гринельской экспедиции в северные полярные страны для отыскания сэра Джона Франклина, совершенной в 1853, 1854 и 1855 годах под начальством доктора Кэна». Книга эта самым решительным образом изменила жизнь Кука.

В обществе целого ряда наиболее развитых стран еще на рубеже XIX и XX веков сложилась своеобразная мода на Арктику, которая по объективным причинам, то затухая, то разгораясь, сохраняется и поныне. Совершенно заслуженно Арктика считалась местом, где человек может испытать себя и проявить свои лучшие качества, моральные и физические.

Столетие назад среди полярников было немало представителей самых известных фамилий европейской аристократии: лорд Дюфферин (в 1858 году побывал на Ян-Майене и Шпицбергене), отпрыски Орлеанского дома (в 1907 году – на Новой Земле), обладатели герцогских титулов из Бурбонов и Браганцы (в 1891–1892 годах – на Шпицбергене и Новой Земле), не говоря уже о представителях Савойской династии – знаменитом полярнике герцоге Абрुццком, посетившем Землю Франца-Иосифа в 1899–1900 годах.

Среди молодых американцев, особенно со средствами, также считалось признаком хорошего тона поохотиться на морского зверя или мускусных быков за полярным кругом, а то и провести полярную ночь в обществе эскимосов вдали от привычного городского комфорта. Память о трагической судьбе экспедиции Джона Франклина, погибшей в 50-е годы XIX века на севере Канады, как и участь зимовочной экспедиции Грили, от которой уцелела только треть участников, лишь щекотала нервы любителям приключений. Известнейший поэт того времени

Редьярд Киплинг стремление многих чересчур активных людей своего времени сформулировал так:

*...Нам хотелось не клубных обедов,
А пойти, и открыть, и пропасть.*

Однако Фредерик Кук в молодости никак не связывал свою судьбу с деятельностью в высоких широтах. В белое безмолвие Арктики бруклинского доктора привел человек, оказавшийся впоследствии его злейшим и непримиримым врагом на всю оставшуюся жизнь. Его звали Роберт Эдвин Пири, и он был гражданским инженером-изыскателем на службе Военно-морского флота США. История Арктики стянула их судьбы в единый узел, распутать который специалисты-историки пытаются на протяжении века.

Роберт Эдвин Пири родился 6 мая 1856 года в городке Крессон-Спринг (штат Пенсильвания), поблизости от тех же мест, где появился на свет Кук; на этом сходство судеб двух людей заканчивается. Ни один из его родичей не посещал колледжа, хотя прабабка Марта Бичем могла похвастаться родством с английской аристократией. По отцовской линии у будущего претендента на первенство в достижении полюса преобладали предприниматели из Новой Англии, отличавшиеся завидным практицизмом и жизненной хваткой. Их бизнесом было изготовление бочкотары для патоки и рома, производимых в Вест-Индии.

Слабая здоровьем, меланхоличная мать, целиком переключившись на воспитание единственного ребенка, сумела привить ему стремление к первенству всегда и во всем, опекая его и не жалея оставшихся сил и средств. Опека была настолько плотной, что мать даже последовала за сыном летом 1873 года в Боуден-колледж в Брунsvике (штат Мэн), в университет. Преподаватели колледжа в то время отмечали определенную замкнутость их воспитанника, погруженность в собственные переживания, некоторые трудности в отношениях со сверстниками – качества, присущие интроверту, что не мешало молодому Пири претендовать на лидерство в среде однокашников. Иногда Берт баловался стихами, в которых звучала странная смесь тоски по какой-то иной жизни и затаенных амбиций.

Пири, однако, вскоре убедился, что «полевые рекогносцировки в связи со строительством железных дорог» не приносят ему удовлетворения. По мнению Херберта (1972), Пири при самом благоприятном развитии событий мог стать лишь уважаемым мировым судьей или провинциальным землевладельцем. Шанс вырваться из глубинки появился

Роберт Пири

у него при поступлении в Береговую и геодезическую службу США, располагавшуюся в Вашингтоне, с окладом в 40 долларов (что примерно соответствует 650 долларам в наши дни) в месяц. Однако дело было не в деньгах. В дневнике Пири появилась характерная запись: «С прошлым покончено, да здравствует будущее!» Но уже спустя несколько месяцев эта работа показалась ему занудной и стала надоедать с каждым месяцем все сильнее и сильнее. В условиях сугубо кабинетной деятельности его мысли все чаще обращались к открывателям новых земель и миров – Колумбу, Кортесу, Бальбоа и другим знаменитостям, пока однажды в письмах к матери не сфокусировались на конкретной цели: «Я хотел бы снискать имя, которое стало бы «сезам, откройся» для культурного и избранного круга... в котором бы я ощущал себя наравне с каждым». Не больше и не меньше... В другом письме к матери он поделился своими невеселыми размышлениями: «Мне 24 года, а что сделано? Ничего...», одновременно опасаясь, что его имя останется не на страницах истории, а лишь в платежных ведомостях бухгалтерии.

Работа изыскателя связана с посещением новых мест. По пути в Никарагуа на изыскания места для канала ему довелось посетить остров Уайтлинг, первую сушу, на которую ступил Колумб в Западном полушарии. Созерцание острова разбудило в его сознании мысль – вот, оказывается, чего ему не хватало! Работа в джунглях Никарагуа в составе небольшого отряда пришлось в основном на первый квартал 1885 года. Среди помощников Пири оказался мулат Мэтью Хэнсон, невысокий круглолицый крепыш, моложе босса на 10 лет, отличавшийся выносливостью, надежностью и смекалкой. Свои впечатления от работы в тропиках Пири в очередном послании к родительнице изложил так: «...с трудом дотащились до лагеря. Люди шли вброд по воде и волокли за собой лодки, я вкалывал вместе с ними, орал на них, потом раздал им, вымокшим и уставшим от 10-часовой работы, джин, и в лагере до самого утра было шумно...» С заданием изыскателя управились в три месяца, сократив протяженность трассы на 17 миль (каждая миля обходилась по смете в миллион долларов), но намеченный вариант так и остался на бумаге. В глазах начальства Пири предстал достойным работником.

Спустя три месяца Пири вернулся в Штаты на рутинную обработку полевых материалов, но вскоре его мысли потекли совсем в ином направлении. «Я предлагаю пользоваться проливом Смита еще дальше, чем от бухты Благодарения Господня... Отдадим англичанам, немцам и австрийцам Шпицберген и Землю Франца-Иосифа, как и другие направления, а сами воспользуемся проливом Смита».

Работа в Никарагуа сопровождалась разлукой с Жозефиной Дибич, дочкой профессора Смитсоновского университета, к которой Пири

испытывал приязнь, не оставшуюся без взаимности. Но, поскольку в эпоху, предшествующую сексуальной революции, подобные отношения развивались без излишней спешки, свадьбой роман завершился лишь в 1886 году.

Приступив к теме соперничества Кука и Пири, сопоставляя достижения обоих, автор делает неожиданный вывод: на протяжении всех своих экспедиций Пири неизменно терпел неудачу. Куку же каждый раз определенно сопутствовал успех, причем в самых неблагоприятных обстоятельствах. Что ж, в собственной экспедиционной практике в Арктике автор неоднократно встречался с людьми, за которыми закрепилась слава успешных или невезучих, но каждый раз за этим скрывались вполне конкретные причины. Однако в любом случае надо было начинать с оценки результативности обоих полярников, выделяя те черты, которые в будущем привели к конфликту между ними.

1886. Первые шаги Пири на пути к цели

Лиха беда начало...

Русская народная поговорка

«Мне попалась беглая заметка о внутреннем льде Гренландии, – позднее вспоминал Пири. – Струна, интенсивно вибрировавшая во мне при чтении в детстве удивительной книги Кэна, была снова затронута. Я прочел все, что мог найти относительно этого предмета, заметив противоречие в рассказах Норденшельда, Йенсена и других, и почувствовал, что я должен был сам посмотреть, что было истинного относительно этой великой, таинственной внутренности.

Результатом было мое летнее путешествие в Гренландию в 1886 году и исследование внутреннего льда» (Пири, 1906, с. 6). При этом важно, что именно понимал Пири под словом «исследование». Сам А. Э. Норденшельд в 1883 году из района Эгедесминде за 18 дней смог пройти по ледниковому щиту 118 километров, судя по современной карте. Очевидно, подобная картина существовала вплоть до восточного побережья. Однако Норденшельд по аналогии со Шпицбергом рассчитывал обнаружить далее посреди льда пространство некой суши, свободной ото льда, и найти этому объяснение. Чего-либо похожего в отчетах Пири не наблюдается, все его результаты – информация спортсмена, лишь претендующего на роль исследователя. В выступлении 23 апреля в Национальной академии наук в Вашингтоне свои планы он сформулировал так: «Получить практическое знание препятствий и состояния льда внутренней Гренландии; испробовать некоторые методы и детали снаряжения; сделать доступные научные наблюдения; проникнуть внутрь насколько возможно дальше» (Пири, 1906, с. 76).

6 июня 1886 года заслуженный китобоец «Игл» (капитан Артур Джекмен) высадил молодого американца на острове Диско у западного побережья Гренландии, в Годхавне – месте традиционного пребывания губернатора этой датской колонии. По воспоминаниям попутчиков,

весь рейс Пири предпочитал общению созерцание гренландских берегов, оставаясь, впрочем, вполне учтывым.

Из Годхавна Пири перебрался со своим экспедиционным скарбом в эскимосское селение Ритербенк, откуда 23 июня 1886 года в сопровождении помощника мэра этого местечка Майгора и восьми эскимосов выступил в поход: «29 июня наши двое саней... были у края ледникового покрова, на 1956 футов выше уровня моря» (Пири, 1906, с. 47). За три недели Пири в сопровождении Майгора одолел менее 200 километров, по 10 километров за дневной переход. 19 июля на высоте 7525 футов (около 2500 метров) они повернули обратно. Такие результаты по сравнению с результатами предшественников выглядят не слишком впечатляюще. «В 8 часов утра, когда снег отвердел, Майгор и я отправились на восток по ледяному покрову. Когда мы отправлялись, голубой цвет бухты Диско был испещрен местами жемчужно-белым туманом, который вливался через теснины, скользил с гор у устья фиорда и сползал по их восточным откосам перистыми побегими... Немного позже масса черных облаков закрыла солнце, и в полночь туман затянул страну позади нас. В час утра (очевидно, 30 июня. – *Авт.*) он дошел до нас... Мы продвигались вперед, пока туман не изменился в изморозь и не поднялся ветер, когда я остановился на высоте 3000 футов над морем» (Пири, 1906, с. 47).

Оставалось возвращение, описание которого сводится к характеристике погодных условий, причем без конкретных привычных нам показателей температуры, давления, силы ветра и т. п. Туман и осадки в виде крупы вскоре сменились снежным штормом, так что путешественники вынуждены были оставаться на месте в спальных мешках, укрываясь прорезиненными тентами. Так продолжалось до 5 июля, когда оба участника похода, освободившись из-под снега и откопав сани, тронулись дальше на восток по ледяной поверхности, причем Пири на фоне окрестного ландшафта впервые в своем отчете отметил коварство ледниковых трещин. «К северу и востоку от нас поверхность льда была выше и волны, по-видимому, длиннее и более плоские, чем те, через которые мы прошли. К юго-востоку лежал большой ветвистый бассейн Якобсхавнского ледника, простиравшегося к востоку во внутренний лед, выше через центр его, подобно волнам тихого моря, блестели выдающиеся пункты самого ледника. Незадолго до отправления, бродя вблизи саней без лыж и альпийской палки, я провалился в узкую трещину и повис на мгновение, задержавшись своими распростертыми руками, прежде чем выкарабкался, а обломки предательской снежной арки (снежного моста. – *Авт.*) скатывались вниз, в лазурную глубину, до тех пор, пока пробуждаемое ими эхо не сделалось подобным игре серебряных курантов. Наши лыжи

препятствовали повторению такой же случайности во время перехода через сеть трещин, простиравшихся к востоку от нашего лагеря. По мере хода вперед они исчезли, и в холоде раннего утра вся поверхность сделалась твердой, непрерывной корой, представляющей великолепный путь» (Пири, 1906, с. 49–50).

Пири также отметил достаточно обильное таяние на ледниковом покрове, нередко создававшее трудности. С учетом полярного дня и низких температур в «ночное» время, когда снеговая поверхность подмерзала, путники использовали ее для продолжения маршрута, отсыпаясь, соответственно, днем. Следует отдать должное Пири и его спутнику: оказавшись в незнакомой обстановке, они быстро усваивали ее особенности, приобретая необходимый опыт буквально на ходу. Однако уже в ближайшее время возможности обоих путешественников оказались исчерпанными, что, надо сказать, Пири заметил вовремя, и он принял правильное решение – возвращаться.

На высоте не только слабело таяние, но и снеговая поверхность уплотнялась настолько, что на ней не оставалось следов ни от подошв обуви, ни от полозьев саней. Из нарезанных блоков такого снега можно было соорудить защитные стенки от ветра, который дул не переставая на протяжении всего похода. С другой стороны, снег так интенсивно отражал солнечные лучи, что глаза страдали от воздействия этого блеска даже во время сна.

«В течение следующих 10 дней мы шли с различными испытаниями вперед, обыкновенно против ветра. Иногда далеко вверху, в синеве, висели неподвижно в высшей степени нежные перистые облака, а потом над горизонтом снова появлялись черные кучевые полосы туч. Раз или два мы были окружены густым туманом, покрывавшим все тонкими молочно-белыми кристаллами льда, и во время одного перехода блестящее полночное солнце наполнило северо-восточную часть неба радужными красками и вызвало соответствующие вспышки света из блестящего снежного поля.

После того как мы достигли высоты 6000 футов, температура упала до 10 и 8,5 градусов Фаренгейта (24 и 23 °С).

Когда мы снова тронулись в путь 15-го, ветер сделался северо-восточным и со снегом. Мы подвигались против него в наглазниках, таща сани, нагнув головы, держа наш путь по ветру, до тех пор, пока опускание саней в мягкий снег и постоянное запутывание наших лыж не принудили нас остановиться и ждать окончания бури на высоте 7525 футов. Слишком утомленные и сонные от нашей борьбы с бурей, чтобы построить хижину, даже если бы мягкий снег позволил это, мы легли у наших саней и заснули.

Когда я проснулся, мы были вполне занесены снегом и лежали здесь 48 часов, в то время как ветер и снег пронесли по засыпанному нас сугробу с непрерывным угрюмым ревом. Затем мы выбрались во время затишья и выкопали небольшую мелкую яму, покрыли ее гуттаперчевыми одеялами, откопали наши сани и мешки, нагроулили края одеял санями, сунули под них свои мешки и сами влезли за ними.

Около 5 часов утра в понедельник, 19-го узкая лента голубого кристаллического цвета появилась среди облаков на юго-западе и расширялась и увеличивалась до тех пор, пока не достигла солнца. Затем наступил день, теплый и ясный, почти покойный, давший мне возможность сделать наблюдения и высушить всю нашу одежду. Наш лагерь на высоте 7525 футов (оставшийся на одном месте с 15 июля. – *Авт.*) над морем на расстоянии сотни миль от края внутреннего льда находился в мелком бассейне, наполненном снегом... У нас оставалось на шесть дней запасов, и так как я не был уверен относительно перемен, происшедших в нижней части внутреннего льда во время нашего отсутствия, то решил возвращаться» (Пири, 1906, с. 52–54). Однако едва ли подобное объяснение причин возвращения способно удовлетворить более или менее опытного полярника – дело, очевидно, в другом. Планирование маршрута с самого начала оказалось крайне неудачным, поскольку до намеченной цели – нунатака (скалы) Петерманна – была пройдена лишь пятая часть пути.

На обратном пути, учитывая постоянство стоковых ветров* как по силе, так и направлению, Пири решил воспользоваться парусом. Сани соединили вместе, оборудовав соответствующими такелажом и рангоутом, и этот шаг немало способствовал быстрому спуску по ледниковому покрову.

Пири опасался небезопасных изменений в нижней части ледника, тем более вблизи края ледника, где сказывалось влияние подстилающего рельефа, и не напрасно. «Все выдающиеся черты были теми же самыми, что и три недели тому назад, но эти три недели полярного лета превратили каждый дюйм поверхности в твердый, блестящий, маслянистый голубой лед... Трещины, через которые мы раньше скакали, были теперь непроходимыми пропастями... Жара в долине, даже в этот ранний час, угнетала нас, привыкших к атмосфере внутреннего льда, и, когда мы достигли палатки, я нес почти всю свою одежду...» (Пири, 1906, с. 60)

На этом знакомство Пири с ледниковым покровом Гренландии завершилось. Дальнейшее полуторамесячное бродяжничество по побережью и островам бухты Диско не привело ни к научным открытиям, для

* Стоковый ветер – нисходящий ветер, направленный вниз по склону и обусловленный выхолаживанием поверхности склона.

Нильс Адольф Эрик Норденшельд

которых он не имел необходимой подготовки, ни к приумножению полярного опыта.

6 сентября Пири покинул Гренландию, где началась его бурная полярная карьера, оставившая в памяти потомков самые разноречивые оценки. Свой первый полярный опыт сам он оценил так. «Достиг наивысшей точки внутреннего льда (ничего подобного, если сравнить с современной картой Гренландии. – *Авт.*).

Проник дальше, чем какой-либо другой белый человек до сих пор (если не считать участников отряда Норденшельда в 1883 году. – *Авт.*). Определил главные особенности внутреннего льда от края до внутренности (это уже было сделано ранее Йенсенем и Норденшельдом. – *Авт.*). Получил ценное знание и практический опыт относительно условий ледяного покрова и необходимого снаряжения, а также практические знания полярного плавания и полярных берегов.

Зародились идеи, очень ценные в будущем, относительно путемера, парусов и проч.».

В приведенной заключительной части отчета о первой арктической экспедиции Пири бросаются в глаза следующие особенности. Первая – стремление преувеличить собственные заслуги за счет умаления достижений предшественников, в первую очередь – полярника-корифея своего времени А. Э. Норденшельда. Такая тенденция, причем в самом начале карьеры, далеко не безобидная и не случайная, что подтвердилось позднейшими обвинениями Нансена в краже идеи пересечения Гренландии. Неудивительно, что в будущем Пири стяжал среди коллег далеко не лучшую репутацию.

Вторая особенность отчета – отсутствие реальных достижений, что позволяет считать поход Пири 1886 года обычной полевой рекогносцировкой, предшествующей любым серьезным продолжительным исследованиям, – не более того.

В качестве третьей особенности представленных выводов надо отметить отсутствие каких-либо намеков на научное осмысление природы посещенных мест. Этот момент нельзя упускать из виду при оценке последующей деятельности Пири в Арктике. Так что по большому счету главным результатом первой арктической экспедиции Роберта Пири стал полученный им пропуск в общество хозяев жизни, куда он так стремился.

Возвратившись из первой полярной экспедиции, он обвенчался с Жозефиной, которая едва ли представляла, какие трудности ей предстоит разделить со своим избранником. В письме к матери она изложила первые впечатления от своего замужества: «Если он счастлив, как я, то мы самые счастливые люди на свете».